

Людмила Миловацкая

Предчувствие
любви

Людмила Миловацкая
Предчувствие любви

«Региональное отделение продюсерского центра
при Интернациональном Союзе писателей»

2018

УДК 978-5-907042-51-3
ББК 82(2 Рос=Рус)6

Миловацкая Л.

Предчувствие любви / Л. Миловацкая — «Региональное отделение продюсерского центра при Интернациональном Союзе писателей», 2018

ISBN 978-5-907042-51-3

В книге собраны пять новелл, пять историй из разных эпох, объединенных единым стилем, настроением, мыслью о том, что предчувствие любви на менее ценно, чем сама любовь, так подготовка к празднику, возможно, лучшая часть праздника.

УДК 978-5-907042-51-3

ББК 82(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907042-51-3

© Миловацкая Л., 2018
© Региональное отделение
продюсерского центра при
Интернациональном Союзе
писателей, 2018

Содержание

Вместо пролога	5
Реванш	10
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Людмила Миловацкая

Предчувствие любви

Вместо пролога Посвящение

На детской площадке было, как всегда, многолюдно. Да и денек выдался как на заказ – безветренный, ясный, с легким морозцем. Деревья и кусты стояли в белых пушистых нарядах. Среди них выделялись припорошенные свежеснегом елки, их было много. После новогоднего праздника прошло уже десять дней, елочные иголки в теплых квартирах стали опадать, выбрасывать зеленые еще деревца было жалко, их выносили во двор и втыкали в сугробы. Теперь на радость детворе и взрослым лесные красавицы украшали двор.

Посередине площадки стояла невысокая ледяная горка, ребятня бесчисленное количество раз скатывалась по ледяному настилу и вновь карабкалась по лестнице вверх.

Лишь один мальчик не участвовал в этой круговерти. Павлик стоял в сторонке. Слегка вытянув шею и приоткрыв рот, он неотрывно следовал взглядом за девочкой.

Подойти к ней поближе даже не пытался, не смел. Во-первых, он ее впервые видел, во-вторых, девочка была явно старше его, и в-третьих, она была очень серьезна и необыкновенно, сказочно хороша: большеглазая, темнобровая, с нежным румянцем на щеках. Светлая шубка, пушистая белая шапочка и белые же варежки делали ее совсем похожей на Снегурочку.

Наконец Павлик решился. Когда девочка в очередной раз собиралась забраться на горку, он встал на ее пути и широко улыбнулся.

– Ты мне мешаешь пройти, – сердито сказала девочка. – Отойди!

Улыбка сбежала с губ Павлика. Все так же завороченно глядя на незнакомку, он покачал головой: не могу.

Девочка сдвинула брови и серьезно посмотрела на него. От прямого синего взгляда у мальчика зашлось сердце.

– Ты еще совсем маленький, у тебя под носом мокро – и вообще ты мне не нравишься. Отойди! – Она усмехнулась и обошла его стороной.

Солнце померкло в глазах мальчика. Скованный непонятной силой, он стоял на том же месте. Его толкали, он этого не замечал. В висках стучали маленькие молоточки, а в груди ныла холодная глыба сердца.

Мама Павлика, Кира Андреевна, наблюдая эту сцену со стороны, на полуслове оборвала разговор с соседкой и поспешила к сыну.

– Что, что случилось? Почему ты молчишь? Ты не упал? Скажи, где у тебя болит?

– Вот тут. – Мальчик снял варежку и показал на середину груди. Взглянув на маму полными слез глазами, Павлик прошептал: – Мне кажется, я влюбился.

– Ну и выдумщик ты у меня! – Кира Андреевна взглянула на часы, озабоченно произнесла: – Ну все, пора домой.

Войдя в дом, Кира Андреевна помогла Павлику раздеться, сама раздеваться не стала. Поправляя перед зеркалом волосы, крикнула вглубь комнат:

– Папа, вы пообедайте, а мне надо забежать в магазин.

Кира Андреевна была очень занятым человеком. Свободные от работы дни выпадали нечасто, потому свои выходные она старалась использовать с максимальной пользой.

– Ну что ж, дана команда обедать, давай мой руки. – Дед Павлика, Андрей Николаевич, неторопливо сложил газету и оглянулся на внука. Тот стоял у окна молча и неподвижно. Прижавшись лбом к оконному стеклу, неотрывно смотрел на красноватое морозное солнце.

– Павлик, ты меня слышишь?

– Мне не хочется есть, – еле слышно ответил Павлик и снова отвернулся к окну.

– Да что с тобой? Ты не заболел? Может, померим температуру?

Павлик незаметно вытер с щек предательские слезинки.

– Я не заболел. Можно я лягу в кровать?

Андрей Николаевич озабоченно посмотрел на внука. Глаза мальчика были влажны, острый подбородок дрожал.

– Да, конечно, приляг. Хочешь, я посижу с тобой, что-нибудь прочитаю?

Павлик молча покачал головой, лег на постель, отвернувшись лицом к стене. Андрей Николаевич подсел к внуку, потрогал лоб.

– Ну, рассказывай, что случилось.

– Мне понравилась одна девочка, а я ей нет, – не поворачивая головы, произнес Павлик. – Разве так бывает?

– Вот оно что... Послушай, с тобой произошло чудесное событие: ты впервые влюбился.

– А мама говорит, что маленькие дети не могут влюбляться.

– Видно, твоя мама забыла, что влюбилась в первый раз во втором классе. Как горько она плакала, что ее избранник не обращает на нее внимание...

– А потом?

– А потом мама выросла и занялась карьерой.

– Она забыла того мальчика?

– Да, и довольно скоро.

– Так же, как нашего папу?

– Ну как она может его забыть?.. Просто у мамы очень ответственная работа, она требует много сил, времени. Олегу, видать, не хватало ее внимания. Главное, что вы с папой постоянно встречаетесь, общаетесь по телефону...

Павлик безмолвствовал, лишь по его напряженной спине можно было понять, насколько внимательно он слушает. Деду не хотелось говорить о семейных делах: молодые недавно, как-то вдруг, оформили развод и все еще очень остро переживали разрыв.

К счастью, Андрей Николаевич относился к редкой категории людей, которых непросто было вывести из равновесия. Всего, что не соответствовало собственным представлениям о жизни, Андрей Николаевич старался не замечать. В созданной им картине мира не было места черным краскам и негативным мыслям, в результате, он заслуженно снискал славу умнейшего человека у всех, кто его знал. Сейчас ему без труда удалось свернуть разговор в более безопасное русло. Громко откашлявшись, Андрей Николаевич продолжил.

– А я в первый раз влюбился примерно в твоём возрасте. Девочка была старше меня на год, звали ее Катей, лица вспомнить уже не могу, а вот свое состояние... – Андрей Николаевич, машинально перелистывая книгу, задержался взглядом на картинке: прекрасная дама протягивает рыцарю венки. – Да, помню, хотелось мне одного: смотреть на нее, прикасаться к ее вещам, игрушкам, к стульчику, на котором она сидела...

– Это называется любовь? – Павлик приподнялся, серьезно и требовательно взглянул на деда.

– Не знаю... Скорее это лишь ее предчувствие. Предчувствие того необыкновенного и великого, что делает человека Человеком. И неважно, в каком возрасте это произойдет, главное, чтобы это случилось. Тебе повезло, сегодня произошло твое посвящение.

– Посвящение? Это что, как посвящение в рыцари? – переспросил Павлик в крайнем волнении.

Стук входной двери заставил деда прервать разговор. Заговорщицки подмигнув внуку, Андрей Николаевич прошептал:

– Мы читаем книгу. На чем мы остановились?

– Как герольды созывали рыцарей на поединок.

– Да-да, вот эта страничка. Так-с... «Выступайте, храбрые рыцари! Прекрасные очи взирают на ваши подвиги!», – громко и с выражением начал Андрей Николаевич.

Войдя в детскую, Кира Андреевна собрала разбросанные вещи сына и неодобрительно заметила:

– Папа, опять читаете «Айвенго»? Мне кажется, для пятилетнего ребенка это не слишком подходящее чтение. Чтобы быть умным и успешным в современном мире, нужно читать специальные развивающие книжки. Я же давала вам список рекомендуемой литературы для детей этого возраста. Его составляли профессиональные педагоги и психологи.

– Книжки из этого списка мы уже читали, для Павлика они уж слишком просты.

– Ну а Вальтер Скотт еще слишком сложен.

– Мам, ничего тут сложного нет, – возразил Павлик.

– Между прочим, на этой книжке воспитано не одно поколение детей, – в тон ему заявил Андрей Николаевич. – Это же классика!

– Ну разве что классика... – согласилась Кира. – Но все равно, мнением специалиста не стоит пренебрегать. Вот свекровь в этом смысле просто молодец, надо отдать должное: всегда делает то, о чем ее просят.

– Да Света Владимировна обладает массой достоинств с частичкой «не»: не пьет, не курит, не ест мяса...

– Всегда и со всеми равна, спокойна, по утрам делает зарядку...

– А также регулярно ходит в филармонию и на всевозможные выставки, – не скрывая сарказма, перечислял Андрей Николаевич. – Вот тебе, Павлик, образец для подражания.

Павлик, понимая скрытый смысл слов, заступился за женщину:

– Зачем ты так? Бабушка Света у нас хорошая, добрая, – немного подумав, добавил, – даже красивая.

– Ты находишь? – удивленно вскинул брови Андрей Николаевич.

– Мне кажется, она похожа на спящую красавицу, – неуверенно прошептал мальчик.

– Которую же из них? Белоснежку или царевну из сказки Пушкина?

– На принцессу из сказки Перро, Аврору. Помнишь ты в прошлом году подарил мне на день рождения эту книжку. Вот там на одной картинке, где Аврора сидит с веретеном, они очень похожи.

Андрей Николаевич, в той же шутовской манере, хлопнул себя по колену и воскликнул:

– Да-да, твоя правда, Павлик! А я-то все думал, кого Светлана мне напоминает. Действительно, спящую красавицу: поднять девушку подняли, а разбудить не разбудили.

– Ты в чем-то прав, но это означает только одно: нашей принцессе не повезло – принц попался никудышный. Видно, поиздержался в дороге, истратил все свои силы на стороне, – язвительным тоном парировала Кира. – И давайте не будем спорить! Почитайте еще минут десять, и спать.

Выразительный взгляд дочери заставил Андрея Николаевича прервать дискуссию. Он устроился поудобнее в широком мягком кресле и взялся за книгу: «Герольды провозгласили леди Ровену королевой любви и красоты, угрожая покарать всякого, кто дерзнет оказать ей неповиновение».

Слушая тихий голос деда, Павлик засыпал. В зыбких тенях на обоях возник нежный профиль девочки, через несколько минут ему уже виделось, как он «медленно и грациозно склонил копье», а прекрасная незнакомка возлагает на его голову венец из белоснежных цветов.

«Отныне и навсегда ты – посвященный!» – торжественно провозгласили герольды. Павлик глубоко вздохнул и улыбнулся во сне.

Заметив, что внук засыпает, Андрей Николаевич прекратил чтение и выключил настольную лампу. Сквозь приспущенные шторы лился неяркий свет, он не разгонял полумрак комнаты, а лишь подчеркивал теплоту и мягкость теней.

Любуясь причудливой игрой света и теней, Андрей Николаевич думал о другом, внутреннем, присущем каждому человеку свете. «Он может сиять ярко, как звезда, или мерцать, как огонек гаснущей лампадки. От чего это зависит? От выбора самого человека или от каких-то других неведомых причин? Почему в крохотном тельце внука разгорелся этот животворный огонек, а у красавицы дочери он так слаб, что и не разглядеть?»

Откинувшись на спинку кресла и отложив книжку на колени, Андрей Николаевич прислушался. В доме было так тихо, что, казалось, слышен шорох падающих за окном снежинок. Вслед их кружению стали мелькать и путаться мысли.

«И в кого Павлик таким уродился? В нашей родне все мужчины отличаются ровным характером, рациональным умом. Разве что по линии отца? Что-то не похоже. Олег – ученый, типичный карьерист, дед – тоже деловой человек. Разве что Светлана... Есть в ней что-то такое... потаенное, неразгаданное. Живет женщина как во сне, в полсилы: то ли от людей прячется, то ли сама себя боится – не разберешь. Но с Павликом у них определенно есть что-то общее. Посмотреть со стороны, кажется им и говорить не надо, понимают друг друга с полуслова. Да, есть в этом какая-то загадка...»

Некоторое время Андрей Николаевич еще пытался бороться с дремой, но сон неудержимо слеплял его веки.

Заглянув в детскую комнату, Кира Андреевна улыбнулась: «Уснули... Вот кому хорошо живется. Ни забот, ни хлопот...»

Она собралась тихонько прикрыть дверь, но что-то заставило ее оглянуться.

Будто в мгновенном свете фотовспышки она увидела завораживающее зрелище: снежные отсветы с улицы, расположившись на отдельных предметах интерьера, до неузнаваемости изменили комнату. Главным источником света в ней были лица спящих людей. Перед ней словно на полотне Рембрандта предстал остановившийся миг-вечность. Всё, даже воздух вокруг, дышало покоем и радостью. Казалось, только здесь и сейчас протекала реальная жизнь.

«Совсем недавно я дышала этим воздухом, понимала язык тишины, ощущала себя полноправной жительницей этого мира. Как могло случиться, что стала чужой всему этому, чужой себе самой? Куда девалась радость, настоящая, невозможная в нынешней жизни радость, легкость, свобода?!»

Кира поморщилась и дотронулась холодными пальцами до виска. Происходило нечто странное, непостижимое и ненужное. «Ненужное – вот ключевое слово! Я сама сделала свой выбор и уверена, что никогда не пожалею об этом!»

Кира энергично потрясла головой, застывшее очарование рассеялось. Окинув беглым взглядом комнату, она поправила складки шелкового халатика и почему-то вслух произнесла:

– Удивительно гармоничное соотношение света и тени. Жаль, что в комнате темно, получился бы отличный снимок!

Тут же вспомнилось: «А я ведь вот уже два дня не размещала в инстаграме новые фотографии!»

Ужаснувшись своей беспечности, Кира Андреевна прикрыла дверь в детскую и поспешила к компьютеру. Казалось, чудесные мгновения и диковинные мысли были навсегда забыты. Но «забыть о том, что ты свет – не означает не быть им». В нужный час Безмолвие напомнит ей эту простую истину.

Реванш

1

– Фу, какая духота! – Обмахиваясь веером, капризно надул напмаженные губы Жан-Поль де Лорен. Изящным движением он встряхнул золотые локоны длинного парика, заодно помахал пальцами рук, чтобы кровь отлила от кистей. Взглянув на белоснежную кожу с еле заметными голубоватыми жилками, он удовлетворенно вздохнул. – От этой жары у всех такие красные физиономии и набухшие руки, как у мужиков. О дамах я и не говорю. Посмотрите-ка, они выглядят как мокрые курицы. Представляю, каково им в их жутких корсетах, жирок под ними так и плавится, как у гусынь в жаровне. Фи! – Жан-Поль скривил брезгливую гримасу.

Его приятели сочли замечание весьма остроумным. Позубоскалив по этому поводу, они стали выискивать новую жертву для злословия. Молодые люди с пристрастием оглядели убранный цветами и зеленью зал.

Яркий свет сотен свечей, блеск позолоты, сверкание драгоценных камней, многократно отражаясь в зеркалах, слепили глаза. На этом фоне дамы представляли собой жалкое зрелище. Они энергично обмахивались веерами, но это не спасало их. У многих из-под длинных париков стекали ручейки пота. Как они ни ухищрялись незаметно вытирать их платочками, на смену спешили новые ручейки. На распаренных лицах светских львиц таяли румяна, очаровательные черные мушки на щеках превращались в расплывчатые пятна, никакая пудра не могла замаскировать влажный блеск кожи в декольте. Грустная картина!

Эжен де Колиньи с удовольствием посмотрел на своего дружка – твердое очертание скул, едва тронутых легким загаром, легкий естественный румянец, блеск карих глаз – все безукоризненно. Он – само очарование. С нежностью оглядел молодого человека с ног до головы – да, само изящество! Жан-Поль с достоинством принял знаки восхищения. Метнув на Колиньи выразительный взгляд, продолжил тоном избалованного ребенка:

– Взгляните-ка, на фоне наших парижских прелестниц новенькая, из какого-то... право, забыл название этого заросшего лопухами поместья... выглядит премо.

– Еще бы! В своей деревне она привыкла и к палящим лучам солнца, и к ветру, и к холоду. Жаль, что загар и здоровый румянец нынче не в моде.

– Она так свежа и юна... – подхватили окружающие кавалеры. – И ее туалет почти безупречен.

– Кто она такая?

– Это Виолетта де Пенкорнэ, внучка наших чудаков стариков. Они не видели ее с самого рождения. Недавно один за другим умерли ее родители, вот они и выписали девицу, чтобы найти здесь достойного жениха. Надеются, что эта деревенщина продолжит потомства от благородного кавалера.

– Что ж, я не прочь дать ей несколько первых уроков. – Покрутил ус офицер гвардии.

– Да, нужно признать, что в ней есть некий шарм, и я не прочь поволочиться за ней.

– Кто знает, сколько старики дают ей в приданое?

– Все, что у них есть.

– Ого! – Все молодые люди повернули к ней головы.

– Да, она премиленькая.

– Поостыньте, – заулыбался всеведущий Бреньи де Мелло. – Доподлинно известно, что у девицы в Провансе полно воздыхателей, среди них и весьма искушенные в любовных делах кавалеры. Но увы, ее бастионы неприступны!

– Это становится интересным, – прищурился на девушку Эжен. – Приглашу-ка ее на танец!

– Виконт, вы-то куда? Вы уже нашли предмет своей страсти, – засмеялись вокруг.

– Это другое. Вы же знаете, как я любопытен, меня привлекает все необычное.

– Если вы сейчас пойдете, то можете не рассчитывать сегодня на ночные бдения. – С нешуточной злостью хлопнул веером по его плечу Рауль.

– Мы продолжим нашу совместную читку исторических мемуаров в любой удобный для вас день. А сейчас позвольте откланяться! Всего на несколько минут, – уже на ходу бросил Эжен.

– Несносный! – Молодой человек топнул каблучком по мозаичному паркету и резко отвернулся. Впрочем, уже через секунду он вперился взглядом в спину своего приятеля и с ревнивой злостью смотрел, как тот, галантно раскланиваясь со знакомыми дамами, приближается к незнакомке, вызвавшей интерес у кавалеров.

Девушка всеобщего внимания к себе не замечала; стоя в довольно непринужденной позе, вела неспешную беседу с пожилой дамой и малокровной девицей, которые приходились ей дальними родственницами. Как раз в эти минуты те заметили приближающегося к ним виконта. На лице у худосочной девицы Луизы де Пенкорнэ появился неровный румянец. Прикрывшись огромным веером, она торопливо зашептала своей деревенской родственнице об изощренном коварстве этого кавалера.

Эжен, приблизившись на несколько шагов к незнакомке, еще раз окинул ее придирчивым взглядом. Через тонкий слой пудры на плечах просвечивается легкий загар. Талия несколько шире, чем требует нынешняя мода, видно, что она не изнуряет себя диетами и не истязает жестким корсетом. Хотел было оценить ее грудь, но натолкнулся на прямой взгляд небольших ярких глаз. Девушка смотрела открыто, с нескрываемым любопытством. Это ему определенно понравилось.

Когда виконт приблизился, женщины отвернулись. Отвесив легкий поклон в свойственной только ему манере, Эжен сделал дамам несколько комплиментов – приличных, ненавязчивых, но очень-очень лестных. Обезоружив их таким образом, он с самым непринужденным и дружеским видом стал молча рассматривать девушку. Возникла небольшая пауза. Тетушке ничего не оставалось, как представить девушку.

– Добрый вечер, виконт. Это наша родственница, она всего с неделю приехала из Прованса. Как видите, кожа еще хранит тепло южного солнца.

– Вот и хорошо. Загар, безусловно, к лицу мадемуазель. Вы позволите пригласить вас на менуэт?

Девушка застенчиво улыбнулась и протянула руку.

«Надеюсь, она не растянется на полу. А то смеху не оберешься!» – подумал Эжен.

Но его опасения оказались напрасны: их выход был замечен и одобрен окружающими. Виконт был превосходным танцором, он двигался легко и плавно, точно порхал по паркету. Лицо его, с заостренным подбородком, темными глазами и взметнувшимися над ними соболинными бровями, было подвижно и выразительно, фигура изящна. В вопросах вкуса и элегантности ему не было равных. Шелковые чулки телесного цвета обрисовывали его изящные ноги в серых туфлях с серебряными пряжками, голубоватый шелковый камзол прекрасно сочетался с костюмом дамы. На Виолетте было легкое запашное платье из серебристой парчи с жемчужно-серого цвета с кружевной вставкой. Из украшений – продолговатое ожерелье из сапфиров и серьги с такими же крупными камнями. Глубокий темно-синий цвет как нельзя лучше подчеркивал красоту фиалкового цвета глаз.

Виолетта, хотя и была несколько крупноватой, в танце оказалась очень легкой и естественной. Природная грация выгодно отличали ее от других дам. На обычные светские

вопросы виконта девушка отвечала незамедлительно, ее замечания были весьма остроумны и свободны от принятых в их круге стереотипов.

Виконт был раздосадован и заинтригован одновременно.

Его задело, что сложившееся у него о простенькой провинциалочке мнение мало совпало с истинным положением вещей. Захотелось непременно ввести ее в краску.

Не сводя с нее прямого взгляда, он спросил:

– Так о скольких моих пороках успели сообщить ваши родственницы?

Девушка, ничуть не смущаясь, ответила:

– Мадам де Линь сообщила только, что вы предпочитаете женскому обществу мужское.

Эжен не был готов к такому прямому ответу. И на минуту замешался.

– Вас это не смущает?

– Нет, разумеется. По-моему, это естественно. Мне кажется, женщине всегда уютнее с подругами, а мужчинам с друзьями.

Эжен попытался найти подвох в ее словах или интонации, но не обнаружил их. Слова эти сопровождалась такой же ясной улыбкой и прямым взглядом.

«Она или заправская кокетка, или совершенная дурочка, что, впрочем, маловероятно. Всем известно, на что способны эти деревенские простушки. Их хитрость порой превосходит умение и опыт истинных парижанок. Именно из таких провинциалок вырастают светские львицы».

2

Танец закончился. Эжен произнес приличествующие моменту слова:

– Ах, мадемуазель, я так рад нашему знакомству!

– Я тоже рада нашей встрече, – ответила девушка, делая шаг, чтобы удалиться.

Но не таков был Эжен, чтобы отпустить жертву, не собрав о ней необходимые сведения.

Приложив руку к груди и склонившись, виконт умоляюще взглянул на девушку.

– О, остановитесь, прошу вас. Не соблаговолите ли подарить мне еще один танец?

– Следующий танец гавот?

С минуту подумав, Виолетта подала руку. Виконт, не теряя времени, продолжил свои дознания:

– Ваше имя как нельзя лучше вам подходит. Вы обладательница редкостного цвета глаз: фиолетовых, скорее даже сиреневых.

– Это фамильная черта нашего рода.

– Эта особенность в большей степени свойственна женщинам, не так ли?

– Вы угадали.

– Это было нетрудно. Природа всегда рациональна, она разумно одаривает своих детей: глаза цвета сирени у дамы – это поэзия, у мужчины – нонсенс. Вам доводилось читать Жан-Жака Руссо?

– Да, я читала некоторые его труды.

– Вольтера?

– Мне попадались его книги, но я не поклонница этих авторов. Не разделяю их убеждения. Некоторые из них кажутся мне слишком эксцентричными и радикальными.

– Не сомневаюсь, – не смог сдержать усмешки виконт.

От внимания Виолетты не ускользнул скрытый смысл его замечания, и она сочла нужным пояснить:

– Мне кажется, вы делаете поспешные выводы. Наш род, род де Пенкорнэ, достаточно обширен. К сожалению, большая часть семейства – уже немолодые люди, многие давно отошли

от светских развлечений. Однако все мы регулярно следим за литературными новинками и в курсе всех политических и светских событий в Париже.

– Вот как! Отрадно это слышать. Надеюсь, еще не раз буду иметь удовольствие обсуждать с вами и литературные, и светские новости. Вы часто бываете на балах?

– Я предпочитаю уединение, – безо всякого жеманства ответила Виолетта.

– О да, понимаю. Светские развлечения не приносят вам удовольствие. Должно быть, вам приятней прогулки по парку, тихие беседы, чтение...

– Вы угадали: я очень люблю гулять в саду. К тому же в нашем поместье чудесные поля и прекрасный букочный лес.

– Я сразу понял, что вы романтическая особа! – с очаровательной улыбкой поклонился Эжен.

В его груди пробежал холодок – точный признак заинтересованности.

Он был одновременно озадачен и обрадован этим знаком: уже очень давно ни ум, ни сердце не реагировали на женские уловки и прелести.

Гавот, как и предыдущий менуэт, был достаточно продолжительным танцем. Виконт, как заправский ищейка, продолжал засыпать девушку по-иезуитски изощренными вопросами. Но, несмотря на все старания, ему так и не удалось составить о девушке хоть сколько-нибудь определенное мнение. Это разбудило в нем любопытство и фантазию.

Он чувствовал, как кровь в жилах ускоряет свой бег и как множится неподвластная ему самому темная сила. Охватившее его возбуждение было сродни тому, что испытывает охотник перед охотой.

«Надо побольше разузнать о ней, прежде чем приступать к штурму», – думал виконт, сопровождая Виолетту к ожидающим ее родственникам.

– Ну что, как ты ее нашел? – набросились на него приятели.

– По-моему, напыщенная, пустая святоша, от которой мало толку и в беседе, и в постели. Все хохотнули, громче всех смеялся Жан-Поль.

– Бедняга. Ты протанцевал целых два танца с какой-то деревенщиной. Как тебе удалось не заснуть на ходу?

– Все это время я думал только об историческом эссе, которое нам предстоит проштудировать сегодня ночью.

– Как это неучтиво по отношению к невинному созданию? – уже спокойнее произнес Жан-Поль.

– Надо быть поосторожнее с дружкой, иначе он будет дуться целую неделю! Что тогда делать? Нет, что ни говори, а лето в Париже – не самое хорошее время года.

– Ручаюсь, что и руки у нее грубые и шершавые, как у крестьянки, – все еще не унимался Жан-Поль.

Эжен вспомнил нежные сильные пальцы девушки и вместо ответа мечтательно поднял глаза к потолку.

– Вот было бы славно хотя бы на несколько дней завалиться в поместье, поохотиться, побродить по полям.

– Да, осчастливить какую-нибудь пастушку или пастушка, – оживились приятели.

– Нет ничего проще, – воскликнул граф де Жуайез. – В моем поместье отличные охотничьи угодья. Приглашаю всех в ближайшие дни ко мне в гости. Не знаю, как насчет охоты, но отличный стол, превосходное вино и общество прелестных пастушек нам обеспечено!

Все подняли кубки за это предложение, никто не танцевал, только поглядывали на юнцов и девиц, для которых этот сезон был первым, потешались и злословили по поводу их невинности и неукоснительного соблюдения этикета.

Эжену очень хотелось провести ночь одному, но поглядев на Жан-Поля, понял, что сегодня это не удастся. Он сам настаивал, чтобы тот погостил несколько дней в его доме. Тяжело вздохнув, он подлил себе и своему другу в кубки побольше.

«Надо напиться как свиньи и завалиться спать. Жан-Поль плохо переносит красное вино. Следующие день-два он не вылезет из постели, за это время что-нибудь придумаю».

Все получилось по плану. Жан-Поль заснул еще в карете, дома его несколько раз вырвало. Теперь он лежал с мокрой повязкой на голове, чертыхался, жаловался на весь белый свет и не желал слышать никаких любезностей. Когда граф де Жуайез пришел с приглашением на охоту, тот чуть не подпрыгнул от возмущения. Весь вечер Эжен выслушивал его брюзжание по поводу того, что нынешние кавалеры не отличаются благородством.

– Как ты можешь оставить меня в таком состоянии? Ты просто скотина. Видеть тебя не желаю!

Виконту с большим трудом удалось умаслить его нежными посулами, заверениями в верности, скрепленными к тому же превосходным ожерельем из крупного морского жемчуга.

Предоставив другу скучать и рассматривать безупречной формы жемчужины, Эжен покинул замок засветло в сопровождении одного слуги. Он, как всегда, рассчитал все правильно – поместье графа находилось в Провансе, где все обо всех знали, и собрать сведения о семье Виолы не составит труда.

3

Неожиданно для себя Эжен задержался в поместье Турина на целую неделю. Первые дни были нескончаемые попойки и разгул. За это время каждый из соседей счел необходимым нанести визит, потом была необходимость сделать ответные визиты. Такие блестящие кавалеры, из лучших домов Франции, приближенные ко двору, – все эти знатные молодые люди наделали переполох в близлежащих окрестностях. Лучшие портные работали без сна и отдыха, создавая новые и перекраивая на модный лад старые платья юных дев. Дамы не отставали от своих дочек, им тоже хотелось покрасоваться на балах перед этими парижскими выскочками и доказать, что и в глухой провинции существуют не менее, а может, и более прелестные женщины, чем столичные аристократки.

И они не просчитались. Местные девушки были так невинны, а дамы так аппетитны, что за две короткие недели во многих почтенных семействах головы мужчин украсились ветвистыми рогами. А нескольких юных девушек пришлось срочно выдать замуж за мелкопоместных дворянчиков, чтобы благородные отпрыски появились в условиях, приличествующих их высокому положению. Молодые парижане в буквальном и переносном смысле вприснули свежую кровь в древние семейства, ослабленные близкородственными браками.

В этом разгульном угаре виконту без особого труда удалось собрать сведения о Виолетте и ее семье. Девушка осталась сиротой в самом раннем возрасте и воспитывалась своей теткой, настоящей пуританкой. Непомерная скука и сердечная привязанность к племяннице не позволили ей отдать девочку в монастырь, хотя та выражала постоянное желание провести жизнь в монастырской обители.

Знатные парижские родственники решили по-своему устроить судьбу Виолетты. Поскольку она была единственной наследницей нескольких знатных семейств, от нее ждали появления наследников, которые продолжили бы род.

В семействе де Пенкорнэ были осведомлены о настоящем положении дел в стране не хуже столичных жителей, а может, и лучше. Порой на расстоянии легче понять истинное положение вещей, а главное, в провинции есть время, чтобы проанализировать, осмыслить эти сведения

и сделать правильные выводы. С быстротой молнии сюда мчались курьеры, доморощенные шпионы, которые приносили дворцовые сплетни, свежие анекдоты, сведения о финансовом положении воротил. Время было такое, что в любые минуты ожидалась серьезные перемены, ненавистная австриячка была на языке у всех, недовольство ею и роскошью двора было повсеместным и в любую минуту могло перейти в бунт.

– Надо как можно скорее найти жениха из старого богатого семейства, не запятнанного интригами этой верхивостки австриячки, и прочь со двора! Подальше, подальше от этого гнезда разврата и расточительной роскоши. Добром ее царствование не кончится! – говорили родственники.

Тетушка вторила им:

– Господу можно и в миру, только делать это гораздо труднее.

Все семейство де Пенкорнэ было настроено решительно: выдать девушку замуж в первом же сезоне.

Виолетта была разумной и послушной девушкой, а главное, у нее было благодарное сердце. Она не могла обмануть ожиданий тех, кто любил, заботился о ней, и не стала противиться планам родичей.

Вооруженный добытыми сведениями виконт уяснил главное: Виолетта, со всеми своими добродетелями, не обремененная сердечной привязанностью к мужчине, полная решимости как можно лучше исполнить свой долг, как броней защищена от всяческих соблазнов. Чистое, благородное сердце, исполненное искренней благодарностью к своим родным, было непрístupнее иной ханжи-монашенки.

«Такие крепости можно осаждают годами, понапрасну теряя силы и время. Здесь возможен только штурм, мгновенный и беспощадный. А потом в моей власти будет распорядиться побежденной так или иначе».

4

Эжен вернулся в Париж раньше приятелей, но возвращаться домой сразу не стал, остановился в доме своего дальнего престарелого родственника. Ему было необходимо обдумать план действий на ближайшее время.

Эжен де Колиньи был младшим отпрыском знатного семейства. Полученное им после смерти родителей наследство было незначительным и растранилось года за три. Оставшиеся небольшие деньги он старался тратить как можно более шумно: надеялся, что кто-нибудь из многочисленных родственников после смерти завещает ему свои средства. Время шло, родственники умирали, но никто из них почему-то не считал нужным оставить ему свои накопления. Пришлось самому заботиться о достатке – через подставных лиц он начал участвовать в банковских операциях. Как оказалось, у него был нюх на успешные авантюры. Он чувствовал запах денег, и они охотно шли к нему. Выглядело все так, будто всем этим заправляет его старший брат, Доминик, на самом деле самодовольный чурбан, которой только и мог, что надувать щеки и глубокомысленно молчать. Доминик и сам верил в свою исключительность и в никчемность братца. Время от времени Эжену приходилось напоминать, кто из них кто. Но этот источник денег не казался ему достаточно щедрым и надежным.

Сумма предполагаемого приданого Виолетты де Пенкорнэ вызывала уважение. К тому же, хоть в этом и не очень приятно признаться, ему до смерти надоели парижские развлечения. В самом нежном возрасте его лишили всех иллюзий по поводу любви, верности и прочих добродетели. Их и добродетелями-то теперь никто не называл. Слово «благородство» вызывало лишь усмешку. Умелость, дерзость, расчетливость, изворотливость, быстрый и решительный ум – вот новые достоинства, коими хотели обладать.

За первые годы пребывания в Париже Эжен пресытился любовью светских прелестниц. Здесь для него не осталось тайн. Потом на смену пришли приятели. Надолго ли хватит этого? А что потом?

Виконт был человеком физически здоровым, но врожденная склонность к целомудрию все больше давала о себе знать. И сейчас он отдавал себе отчет, что брак с Виолеттой не только материально выгоден, он позволит прожить свою жизнь в патриархальной чистоте, тишине, в кругу спокойной жены, послушных здоровых детей, незатейливых соседей, собак, охоты, праздного ничегонеделания. А из Парижа надо было убегать, да как можно быстрее. Виконт де Колиньи обладал неплохой интуицией и чувствовал бурю задолго до ее приближения.

Поняв и осознав это, взвесив все за и против, он решил не терять времени. План штурма был готов.

5

Виконту с его сомнительной славой было необыкновенно трудно проникнуть в дом родственников Виолетты. Надо было немало потрудиться, чтобы придумать дело, которое позволило бы ему часто появляться в доме Пенкорнэ. До сих пор он старательно поддерживал свою репутацию бездельника и распутника, ибо только такая репутация позволяла появляться в самых роскошных салонах аристократии и приблизиться к Тюильри, где нынче решались все государственные дела. Лишь избранные знали, что виконт обладал холодным умом и незаурядными практическими способностями.

Ближайшие друзья и бывшие любовницы Эжена были в общих чертах посвящены в его планы и всю старались принять участие в новом спектакле. Они повсюду распространяли слухи, что Эжен де Колиньи забросил все гулянки и друзей, почти не пьет вина, и что одержим новой страстью, странной и необъяснимой для вельможи, – страстью к деньгам, да не просто к деньгам, что было бы понятно, ведь всем известно, что деньги – истинная страсть мужчин... Нет! Он хотел их заработать! Среди дам распространились слухи, что он оставил своего любовника и с новым рвением ухаживает за девицами, весьма прилично и пристойно.

К господину де Пенкорнэ он подступился через нескольких посторонних лиц.

Чужими языками дело было представлено следующим образом:

– Виконт полон решимости поправить свои финансовые дела, расстроенные во время беспутной жизни. Через высокую родню ему удалось ухватить жирный кусок: он вырвал подряд на поставку обмундирования для армии.

Перед таким лакомым кусочком не устоял бы ни один деловой человек. Но, не имея достаточного опыта, виконт не может его съесть. Родной брат отказал ему в помощи, и теперь он ищет достойного компаньона, на которого можно не только положиться в делах, но и поучиться».

В первый раз мосье де Пенкорнэ отнесся с большим недоверием к этим слухам.

Но издали стал присматриваться к виконту. Кто-то «по большому секрету» рассказал о его удачных финансовых предприятиях, несколько раз они «совершенно случайно» столкнулись в доме у серьезных людей.

Последний случай окончательно сломил подозрение де Пенкорнэ: у него сломалась ось в карете, когда спешил на деловую встречу. Оказавшийся поблизости Эжен де Колиньи не только предоставил ему место в своем экипаже, но и занял его непустым разговором.

Сраженный таким проявлением внимания, де Пенкорнэ отбросил все сомнения.

Теперь господин де Пенкорнэ говорил своим дочерям:

– Эжен де Колиньи – неплохой человек, умный, ловкий и деловой, к тому же представитель не последней семьи французской знати. Денег у него не так много, но распоряжается ими умело. За последнее время он увеличил свое состояние вдвое, в то время как большин-

ство транжирит. Он умеет увеличивать капитал – завидное и небывалое качество для наших пустоголовых павлинов. Он не выставляет свои финансовые успехи. Очень, очень умно... Вот неплохой жених для одной из вас. Конечно, в его голове еще гуляет ветер, но под умелым руководством делового человека из него может получиться толк.

В качестве жениха Эжен все чаще бывал в доме. При всей своей многоопытности он наткнулся на неизвестный ранее феномен. Виолетта устояла и перед его комплиментами, и стихами, и философскими трактатами. Слухи о том, что он может стать ее женихом, внешне ничуть не отразились на ней. Она была любезна, ровна, ни капли кокетства. Виолетта оказалась интересным собеседником. Эжен любовался не только свежестью ее кожи, но и свежестью мысли. Общение с ней становилось физической необходимостью. Это было больше желания победить или физически обладать, это было нечто, чему он не знал названия. Наверное, он смог бы удовлетвориться и положением друга. Как говорила Виолетта, ничего нет выше братской любви и доверия.

Однажды, в минуты особенно откровенного разговора, глядя на него, она сказала, что предпочла бы его в качестве жениха больше, чем любого другого. На вопрос «почему?» ответила как всегда прямодушно:

– Потому что вы пережили свои грехи, они вас больше не страшат, они скучны вам. Мы могли бы жить достойно, как подобает разумным людям, как брат и сестра, как друзья, нет ничего выше таких отношений.

О, с каким вниманием и изумлением выслушал эти слова виконт. Все это мог предложить он, умудренный опытом, с остывшими чувствами мужчина. Если бы эта идея пришла ему в голову раньше, и он бы первым ее высказал – не было лучшего выхода из положения. Но предложение поступило от молоденькой девушки, не знающей ни жизни, ни света. Более того, провинциалки, приехавшей из жуткого захолустья, где не только не читали Руссо и Вольтера, но едва ли знали эти имена. Он был готов смириться и с этим. Ему самому хотелось спокойной жизни, тихих вечеров с интересным собеседником. Девушка была благородна, в этом не было никакого сомнения. Было совершенно очевидно, что это не ханжеское, показное целомудрие – это шло от ее природы и ума.

Дело шло к естественной развязке: сватовству и выгодной женитьбе. Наверное, все тем бы и закончилось, если б в один из вечеров виконт не разоткровенничался с Жан-Подем. Он змеей вполз в его сердце, добравшись до самых глубин. Долгое общение с Виолеттой разоружило Эжена. Искренность, невозможность предать, сподличать были так естественны, к ним очень быстро привыкаешь... Виконт забыл, в каком гнилом болоте все они живут. Чувства чистые, благородные вызывали насмешку и раздражение.

На следующий день все его друзья знали о происшедшем. Пошли смешки, что блестящего Эжена де Колиньи окрутила провинциальная девчонка. Что это – как не старость?! Даже его бывшие любовницы считали своим долгом высказать мнение на этот счет.

– Неужто не понимаешь, что перед тобой заправская провинциальная кокетка? Либо у нее был опытный учитель, либо она обладает иезуитской хитростью.

– Ее «благородная прямота» – просто неумение вести куртуазный разговор, полный намеков, остроумных замечаний. А отсутствие злословия – всего лишь неумение наблюдать и отсутствие острого ума и языка. Посмотри, рядом с тобой она дышит так же ровно, как со всяким другим, со своим дядюшкой или сестрами.

– Где же твоя хваленая слава непобедимого ловеласа, способного совратить даже монашенку? Ты забыл все свои приемы. Да, здесь нужен только штурм, не надо давать ей говорить, не надо, чтобы она заглядывала тебе в душу. Что там может увидеть и понять девчонка?..

– Легко оставаться чистюлей, когда рядом не было ни одного блестящего кавалера. Другое дело ты! Дерзай!

6

Эжен решил во что бы то ни стало претворить свои планы в действие. В театре, на представлении оперы, Виолетте неожиданно стало плохо. Он успокоил ее родню и вызывался проводить домой, заверив, что ничего страшного, к их приезду все будет в порядке. Не успели они войти в дом, не успела она сказать и несколько слов, как оказалась в его объятиях. Он вложил в поцелуй всю страсть, все раздражение последних дней. Он был так страстен, что мог бы оживить и скульптуру. Виолетта не сопротивлялась, а он был так упоен своей победой, что не сразу удивился, не встретив почти никакого сопротивления. Лишь в самом начале она пыталась выставить перед собой руки и упереться ему в грудь. Но это слабое сопротивление было моментально сломано. Он был уже почти у цели, когда увидел перед собой ее спокойное лицо. Было очевидно, что она ни на йоту не потеряла рассудка.

– Я вас не боюсь. Можете надругаться над моим телом, но вы не затронете мою душу. Странно, что вы захотели утвердиться, как какой-нибудь лавочник со своей своенравной служанкой. С вашим-то умом и вкусом?..

Голос Виолетты был ровен и спокоен. В нем не была и намек на испуг или упрек, лишь немного удивления.

Эжен невольно отпрянул. Высвободившись из его объятий, девушка поправила оборки на платье и так же спокойно продолжила:

– По-видимому, с вами действительно что-то не так. Вот уж не думала, что на вас может повлиять такая малость, как мнение ваших друзей.

Если б Эжен почувствовал в голосе девушки хоть каплю насмешки или осуждения, он довел бы дело до конца. Но это было сожаление, сочувствие сильного человека к слабому.

Эжен улыбнулся как можно более развязно и сказал:

– Действительно, зачем спешить? У нас впереди еще много времени. Надеюсь, мне не будет с вами скучно... хотя бы месяц.

Все в нем клокотало от ярости, лишь правила светского приличия не позволили наговорить неприличного.

Всю дорогу домой он размышлял о тщетности дамских уловок, бесполезности их кокетства, убеждая себя, что хоть и поторопился, но в ближайшее время обязательно исправит положение. Он уже жалел, что раструбил всем о своей скорой победе и во всеулышание объявил о помолвке.

«Виолетта – просто притворливая провинциалка! Не стоит ей больше докучать, пусть и впредь развивает свои теории с каким-нибудь святошей. Мне ж эта девица смертельно надоела, настолько, что готов в ближайшее время отправиться в полк и принять участие в сражениях, лишь бы смыть с себя этот постный запах», – почти убедил он себя.

7

Вся следующая неделя была как в дыму. Эжен принимал участие во всех безобразиях, устраиваемых его приятелями. Он выпил столько вина за эти дни, сколько не выпивал и за месяц. Но ни вино, ни распутство не могли отвлечь его настолько, чтобы забыть отповедь Виолетты.

Поступки Эжена стали непредсказуемы, в его поведении все было слишком, чересчур, и не укладывалось в рамки светской эксцентричности. Его общества стали избегать, двери в приличные дома для него закрывались.

Большую часть времени виконт проводил с невероятным сбродом. С их разудалой компанией опасались повстречаться даже отчаянные храбрецы, не говоря уже о дамах.

Слухи о выходках Эжена дошли и до семейства Пенкорнэ. Господин Пенкорнэ с возмущением говорил своей супруге:

– Хорошо, что не успели помолвиться. Вот был бы срам!..

Виолетта с показным спокойствием слушала о похождениях виконта.

Однажды увидела его в компании каких-то оборванцев, он распивал с ними прямо из бутылки. При виде ее он не отвел взгляда, посмотрел прямо и дерзко. Ни сожаления, ни просьбы в этом взгляде не было. Виолетта поняла: Эжен приговорил себя к гибели. Он стоит у последней черты, ничего не желает, ни о чем не жалеет и ничего не боится.

На одном из званых вечеров, где была довольно разношерстная компания, семейство де Пенкорнэ встретилось лицом к лицу с Эженом.

Как только прозвучали первые звуки музыки, виконт направился к Виолетте. Семейство де Пенкорнэ это восприняло как вызов.

За это время тетушка чуть не упала в обморок, сестры покрылись пунцовым румянцем, они успели сделать несколько шагов прочь и потянули за собой Виолетту, но та оставалась неподвижной. Когда Эжен подошел к девушке и с нарочитым усердием отвесил поклон, она спокойно подала руку. Виконт не произнес ни слова за время долгого танца. Дядюшка, ринувшийся было к Виолетте на помощь, остановился. Все с жадным любопытством смотрели на эту пару. Казалось, ожила библейская картинка – праведница в руках грешника. Виконт был чрезвычайно бледен, лишь неровный румянец на высоких скулах выдавал его волнение.

– Надеюсь, вы не очень скучали без меня? – отвратительно неестественным голосом спросил он.

– Нет. Но я много о вас думала.

– И что же вы думали?

– Что могло заставить человека с таким сердцем и умом, с такой славной фамилией столь низко опуститься.

– Это неразделенная страсть к вам, – также глумливо произнес виконт.

– Это вы о моем отказе? Неужели этакая безделица может так повлиять на столь искусственного кавалера?

– Если для вас это сушая безделица, так что вам стоило уступить? – Эжен постарался сказать это насмешливо и колко, но в голосе прозвучала неприкрытая надежда, а во взгляде промелькнуло дикое выражение отчаяния, надежды и... жажда мести.

Виолетта не испугалась и не отвела взгляда.

– Что ж, мы можем повторить наше свидание. Но чтобы снова попасть в наш дом, вы должны поменять свой образ жизни.

От изумления Эжен споткнулся и чуть не упал, Виолетта невольно поддержала его. Больше Эжен не шутил. Подведя девушку к семейству, смиренно поклонился.

– Я очень виноват перед вами, но прошу не судить меня слишком строго. Я решил изменить свою жизнь, и приступил к этому со слишком большим рвением, потому и отступился. Но, верьте мне, теперь я совершенно освободился от старых привычек, впредь вам не придется стыдиться знакомства со мной.

8

Со следующего дня у Эжена де Колиньи началась новая жизнь. Он сказался тяжело больным, и теперь у его дома толпились нищие, обычные нищие, которых много у ворот монастырей и церквей. Каждое утро им подавалась щедрая милостыня во имя выздоровления хозяина.

Он добился встречи с высшим духовным лицом Франции и, хотя репутация кардинала была очень сомнительной, его благотворное влияние было налицо. Виконт на две недели уехал в монастырь.

В Париж он приехал неузнаваемым, со светлым лицом и кротким взором. Он сумел в очередной раз удивить, заставить о себе заговорить весь Париж. В церковных проповедях несколько раз упоминалось его имя как пример покаявшегося грешника, получившего благодатную помощь церкви. Все вокруг притихли, друзья ждали новых проделок.

Его встреча с Огюстом де Пенкорнэ состоялась в банке, он сдержанно поклонился, заговорил о делах. Оказалось, что за время всех этих безумств его финансовое положение почти не пострадало, за что виконт поблагодарил его. Огюст де Пенкорнэ, поразмыслив обо всех перипетиях последнего времени, решил, что де Колиньи, таким образом, распрощался со своими холостяцкими похождениями.

«Каждый расстается с холостяцкой жизнью по-разному. Одни сами охотно подставляют свою шею под семейное ярмо, готовя себя к роли образцового супруга, отца семейства. Нередко именно те мужчины, что перебесились в молодости, становятся безупречными семьянинами. Давно известно, что из бунтарей в юности выходят самые упертые консерваторы и ретрограды».

Поразмыслил об этом, а еще о том, что он тоже близок ко двору. Более того, после его падения стало хорошим тоном показать свою христианскую терпимость и приемлемость прощения – время для этого было самое удобное. Эжен де Колиньи снова был обласкан при дворе, его стали часто видеть в обществе церковных начальников и деловых людей. На балах он появлялся нечасто, вел себя сдержанно, любезно, безукоризненно. В ближайшее время де Пенкорнэ собирался объявить о помолвке. Виолетта ни намеком не напоминала о своем предложении. Эжен все время их общения был любезен и холоден. Но во время одного из танцев он прошептал:

– Мне кажется, время пришло.

В его взгляде девушка прочла для себя угрозу. Она не ждала пощады, но и не боялась. Виолетта де Пенкорнэ не была показушно набожной, она была глубоко верующим человеком и все заветы Евангелия принимала как руководство к действию. Никакие пересуды ей не были страшны, она их просто презирала. Виолетта была готова пожертвовать своей честью ради спасения души ближнего.

Виолетта ждала его, охваченная странным чувством глубокого покоя, собранности, в ней напряглись все ее душевные силы, никогда она не ощущала себя такой уверенной. Она чувствовала: сегодня придет ее час, произойдет нечто, что определит ее судьбу. Виолетта надела светлое, почти белое платье, просто зачесала волосы, ни одна драгоценная безделушка не украсила этот скромный наряд.

Эжен приехал в очень возбужденном состоянии. В нем все дрожало от страшного возбуждения и злой радости. Он чувствовал неотвратимость надвигающихся событий. Его реванш не за горами!

«Наконец-то пришел мой час, час расплаты за все унижения и боль, которые мне доставило цивилизованное общество, сделавшее меня развратником и корящее меня за то, что не собираюсь скрывать то лицо, которое приобрел благодаря ему. Всем хочется по-тихому распутничать, но не видеть страшную рожу греха. Они были монстрами – равнодушными, пресыщенными, ни капли чистоты, сострадания друг к другу. Так пусть расплатится за них всех она – невинная, чистая... А может, не такая уж и чистая. Разберемся».

Сознание своей греховности и ужаса от того, что здесь сейчас произойдет, вселяло в него дикую радость. Так чувствует себя волк, завидев отбившуюся от стада овцу, так радуется янычар, спешащий добить раненого беззащитного противника. Перед его глазами стояла жертва – великолепная, чистая. Он представил, как она будет сопротивляться, и у него сладко защемило сердце. Эжен не стал тратить время впустую. Впереди – последний акт спектакля, к этому времени все должно быть закончено.

Виконт подошел к девушке сзади, когда она стояла у большого зеркала, обнял так сильно, что ее руки оказались в капкане, сопротивления она не смогла бы оказать, если бы и хотела. Взгляд Эжена случайно упал на зеркало, он на секунду ослабил хватку – таким неузнаваемо страшным показалось его лицо. Он был похож на волка, готового вгрызться в шею жертвы, не хватало только крови на клыках. Эжен невольно усмехнулся, заметив, что ищет следы крови на своих губах. Виконт резко повернул девушку к себе. Виолетта стояла с закрытыми глазами, с опущенными руками.

«Неужели все случится так просто?.. Неужели эта притворная кукла только и ждала того, чтобы оказаться в моих объятиях?..»

Эжен овладел девушкой молниеносно. Он жаждал и мог убить всякого, кто оказался бы у него на пути. Он был стремителен и бесцеремонен, не оказывая ни малейшего уважения и снисхождения юности и неопытности девушки. За все это время Эжен ни разу не взглянул на ее лицо.

Уже одеваясь, виконт посмотрел на часы, галантным тоном проговорил:

– Прошу прощения, мадемуазель, за поспешность. В следующий раз обещаю продлить удовольствие. Надо только выбрать время и место поудобней.

Не услышав ответа, Эжен обернулся к девушке. Она лежала в той же позе, в какой оставил ее несколько минут назад.

– Ого, все-таки я вас успел утомить? – весело проговорил он и развернул девушку к себе.

Виолетта казалась совершенно спокойной, после минутного молчания она спросила:

– Надеюсь, сударь, вы удовлетворили свою жажду мщения роду человеческому?

Эжен с удивлением взглянул на девушку. На овеянном силой лице – ни смущения, ни раскаяния, ни злости.

«Так кто из нас победитель?» – пронеслось в голове Эжена. Ответ собственного рассудка был неутешительным: на него ясно и открыто смотрела его жертва – его судья. Не зная, что с этим делать, виконт неторопливо поднялся и подошел к окну. На улице послышался шум подъезжающей кареты. Виолетта стала поспешно одеваться.

– Думаю, вам лучше остаться незамеченным. Следуйте за мной, я проведу вас через черный вход.

Виконт подчинился, хотя в его первоначальный план входили шумный скандал, слезы, мольбы, горячий шепот. Но все было как-то не так, все надо было обдумать, поэтому он быстро собрался, привычно осмотрелся – нет, не оставил ничего, что могло бы выдать его присутствие. Правда, он не успел сказать приготовленных язвительных слов, окончательно униживших бы девицу, но на это еще будет время.

После его ухода Виолетта некоторое время оставалась неподвижной. Встав перед большим зеркалом, она сняла рубашку и брезгливо осмотрела тело. Так же неторопливо покопалась в комод, где хранились привезенные из деревни платья. Разыскав грубого полотна длинную рубашку, надела на себя. Взгляд упал на ножницы. Взяв их в руки, Виолетта начала сосредоточенно отрезать волосы. Густые локоны не поддавались стали, она резала с большим ожесточением, пальцам было больно, но она не останавливалась, пока к ногам не упала последняя прядь волос. Увидев коротко обстриженную голову, она усмехнулась, взяла в руки распятие и улеглась на пол. Ни чувства, ни мысли не тревожили ее. Она умерла для мира.

9

Эжену хотелось скорее прийти домой, но он вспомнил, что там его уже ждут с победным отчетом друзья. Представив их физиономии, он застонал как от боли.

«Нет-нет, домой нельзя». Виконт вспомнил маленькую гостиницу, куда часто приводил своих очаровательных знакомых. Одна из комнат этой дорогой гостиницы была закреплена за ним. Весьма удобно, ведь он никогда не знал, чем закончится вечер и какая гостя или гость скрасит его ночь. Виконт нанял карету и в два счета оказался у тяжелой двери гостиницы. Служка выглянул за дверь, поискал в темноте спутника и удивленно спросил:

– Сударь, вы сегодня один?

Больше не сказал ни слова, протянул ключ и, проведя в комнату, стал зажигать свечи.

– Не надо зажигать много свечей, – произнес Эжен так резко, что полусонный служка вздрогнул. – Прости, приятель, во рту пересохло, я сам справлюсь. Принеси-ка лучше несколько бутылок моего вина.

Тот поклонился и вернулся, неся в корзине несколько заветных бутылок.

– Желаете что-нибудь к ужину?

– Нет, ничего не надо.

От досады Эжен едва сдерживался, а служка будто нарочно трогал изразцы печи, спрашивая, не надо бы еще подтопить, потом снова пристал с ужином. Чтоб только поскорее отделаться от раздражающей навязчивости, Эжен попросил принести что-нибудь на свой вкус.

Наконец тот убрался, виконт остался один. Налив полный кубок вина, выпил залпом. Он так хотел пить, будто провел целый день в пустыне. Он пил и не пьянел, в голове потихоньку стало проясняться.

Виконт припомнил все мельчайшие подробности сегодняшнего вечера.

«Да, все с самого начала было не так».

Не снимая сапог, с бутылкой в руках, Эжен бросился на постель, прикрыв пальцами дрожащие веки.

«Так что же было не так? Она не сопротивлялась и вела себя так, будто нисходит ко мне, приносит себя в жертву. Она меня пожалела! Она, девчонка из провинции, поняла меня, оказалась сильнее и благороднее».

Это невозможно понять, невозможно простить, это оскорбительно! Нет, нужно срочно встретиться и поговорить с ней. Да что она о себе думает, деревенщина... Она что, вообразила себя мученицей из раннехристианской истории, а он – безжалостный язычник?..

«Ты не язычник, ты хуже, ты отступник, – произнес кто-то в его голове его голосом. – Ты был крещен и знал с младенчества, что можно и нельзя, что хорошо и плохо. В отрочестве ты осознал и поразился подвигу Спасителя, Его спасительной жертве. Твое маленькое сердце разрывалось от муки и счастья, и жалости, и любви к Тому, кто своей невинной кровью искупил нас всех. Как могло случиться, что это живое, яркое и теплое как свет солнца знание превратилось в мертвые, ничего не значащие слова, куда девалась живая Вера, и что такое теперь ты?» Чтобы не слышать этот голос, голос сердца, голос совести, Эжен вскочил с постели и взялся за новую бутылку. Погрозив кому-то пальцем, прокричал:

– Все так живут! Завтра же приду в дом де Пенкорнэ и потребую объяснений. Что она о себе возомнила?!

Эжен проспал до полудня. Увидев себя в зеркале, ухмыльнулся и покачал головой: лицо было ужасным. От вида валявшихся повсюду пустых винных бутылок присвистнул: «Однако!»

Осознав, что лицо и костюм до неприличия помяты, Эжен решил заехать домой. На всякий случай вошел через черный вход. Слуга сообщил, что товарищи, так и не дождавшись его возвращения, решили, что он увлекся новой подружкой, разобиделись и только что покинули дом.

Эжен с облегчением вздохнул.

Отдохнув и со вкусом пообедав, виконт решил: «Нужно дождаться, когда Виолетта сама позовет меня для объяснений» – и заранее поморщился, представив потоки слез и заламывание рук.

Все случилось так, как он хотел. Почти так.

Когда слуга принес приглашение в дом к Пенкорнэ, он улыбнулся.

«Все-таки провинциалка не справилась со своими нервами, наверное, сболтнула своим сестрицам, а те рассказали отцу. Чем это грозит? Скандалом, вызовом на дуэль? Кстати, у Виолетты очень прыткий кузен, и он всегда так сладко поглядывает на девицу, только что не облизывается. Поговаривали, что у этого юнца какие-то особые виды на нее. Дуэль – не худший вариант. Но, скорее всего, меня, «как честного человека», будут склонять к браку».

Эжену припомнился кроткий взгляд Виолетты, ее слабые руки, запах волос и кожи.

«И что теперь – законный брак? Об этом стоит подумать. Девица оказалась не такой ханжой, это стоит вознаграждения. Интересно, сколько дядюшка Пенкорнэ предложит в качестве приданого. В такой ситуации стоило бы нажать на него и потребовать раскошелиться. Провинциальная щепетильность на этот счет смехотворна, этим нужно воспользоваться!»

Виконт собрался поздно. Принял ванну, сменил белье и к вечеру приехал в дом Пенкорнэ. В доме горели все огни. Эжен вдруг подумал, что ему могут указать на дверь. Но его пригласили в дом, в гостиную.

«Похоже, предстоит серьезный разговор».

Войдя в гостиную, Эжен быстро осмотрелся. Не увидев Виолетту, усмехнулся.

«Так, грех раскрылся, сейчас начнутся переговоры о сдаче. Невеста появится в самом конце, в каком-нибудь смешном бабкином наряде, с опущенными глазами, наступит торжество».

Представители семейства Пенкорнэ были торжественны и спокойны, все как один смотрели на виконта так странно, что ему стало не по себе. Обычные при приеме слова «Имею честь засвидетельствовать свое почтение» дались не без труда. Хозяин дома смотрел на виконта поверх его головы, холодно и рассеянно. Выслушав приветствие, трескучим, без интонаций голосом произнес:

– Господин де Колиньи, я действую по поручительству Виолетты. Уполномочен передать вам ее прощальное письмо.

– А что она сама, нездорова? – развязано спросил Эжен, сам чувствуя нелепость и неуместность своего тона.

– Нет, она прекрасно себя чувствует, но ее нет в доме.

– Что же заставило ее покинуть дом в столь позднее время? – тем же шутовским тоном спросил он.

Между тем на сердце становилось непокойно. «Что тут происходит? И почему лица всех этих провинциальных святош так торжественны, хотел бы я знать».

– Виолетта навсегда покинула этот дом, Париж и этот мир.

Сердце Эжена сжалось от страшной мысли.

«Неужели покончила с собой?! На мне бесчисленное множество грехов, но никого я не доводил до такого отчаянного поступка. Нет, она не могла со мной так поступить!»

Он вскинул глаза на Огюста де Пенкорнэ. Тот говорил громко, торжественно, строго глядя виконту в глаза.

– Виолетта нам все рассказала: она сознательно принесла себя в жертву, надеясь спасти вашу душу. В знак благодарности, что вы однажды спасли от смерти мою сестру.

– Не понимаю, о чем вы говорите. Где Виолетта? – Эжен начал нервничать.

Пенкорнэ продолжал говорить так же твердо и неторопливо.

– Не перебивайте меня, сударь. Виолетта навсегда покинула этот грешный мир, она приняла постриг в одном из монастырей. Она давно уже вела переговоры с настоятельницей втайне от нас. Мы очень виноваты, что не слушали ее, не хотели верить в серьезность ее намерений. Так или иначе, она рассказала нам о своем поступке, мы ее не осуждаем. Более того, мы гордимся нашей Виолеттой и уверены, что теперь у нас перед Богом будет достойнейшая заступница. Вот письмо Виолетты. Не смею вас больше задерживать.

Не чуя под собой ног, виконт учтиво поклонился и спешно покинул дом. В карете он торопливо вскрыл письмо, но было слишком темно. Эжен был готов схватить факел с крыши кареты, но взял себя в руки. Доехав до дома, он откинулся на сиденье и стал вспоминать слова Пенкорнэ. «Он толковал о спасении какой-то дамы. Если хорошенько припомнить, я не раз оказывал услуги женщинам, смотря что подразумевать под этим словом. Но если учесть, что об этом говорила Виолетта...» Эжен нанес несколько капель бальзама на лоб и виски. Привезенное из Дамаска средство не раз выручало в ситуациях, когда надо было быстро привести себя в порядок. Голова прояснялась даже после самой сильной попойки. Он прихватил это лекарство, думая, что оно пригодится для Виолетты. Бальзам подействовал как всегда безотказно.

Эжен припомнил давнюю историю. Однажды он возвращался в Париж из какого-то захолустного городка. Там у него произошла неприятная история: муж застал его в объятьях своей благоверной и потребовал сатисфакции. Дуэль состоялась прямо во дворе хозяйского дома. Муж-рогоносец был убит. И хотя дуэль проходила по всем правилам, он предпочел по-быстрому ретироваться. Да, а где-то на полпути к Парижу он застал обычную в этих местах картину ограбления: несколько бродяг остановили лошадей и требовали денег от насмерть перепуганной женщины. Ему без труда удалось разогнать оборванцев. Вытащив из кустов онемевшего от ужаса кучера, он успокоил даму и помог ей вернуться в экипаж. Там в углу, сжавшись в комочек, сидела маленькая девочка. Виолетта? Нет, не может быть. Подобные истории происходят только в романах, он им никогда не доверял. Возможно, разъяснения есть в письме. Скорей бы добраться до дома!

Дома, не раздеваясь, виконт потребовал зажечь все свечи. Оставшись один, торопливо раскрыл письмо. Оно было написано красивым ровным почерком.

«Сударь, я решила написать вам письмо с тем, чтобы уверить, что не виню вас ни в чем. Я увидела, как вы больны и как страдаете от греха. Вы – жертва времени, нравов, стечения обстоятельств. И все же только в вас, в вас одном я увидела живое сердце. Позвольте вас уверить, что протянула вам руку помощи не в наказание, не в назидание, но как сестра оказывает помощь своему брату. Вы мне ничем не обязаны, простите, если моя жертва кажется вам оскорбительной.

Я и сама знаю, что не обладаю большим умом и духовной силой, поэтому смогла вам дать только то, чем обладала в полной мере: своей чистотой. Мне хотелось бы передать вам свое сочувствие и понимание. Знайте, что я вас никогда не осуждала, но скорбела вместе с вами над греховностью нашего века.

P.S.

Думаю, вам следует знать, что свой поступок я объяснила родным безмерной благодарностью спасшему меня человеку.

Однажды мы с тетушкой возвращались из поездки в монастырь, по дороге на нас напала шайка разбойников. Наша гибель казалась неотвратимой. Но в самую страшную минуту появился отважный человек. Разогнав негодяев, он проводил нас до усадьбы и умчался прочь. Он не назвал своего имени, но я часто вспоминала его благородное, исполненное праведным гневом лицо. С той поры мы с тетушкой ежедневно молились за своего спасителя. При первой же встрече я увидела ваше сходство с тем человеком. Я несколько раз пыталась поговорить с

вами о той истории, но всякий раз вы переводили разговор в шутку. Я решила, что ошиблась, приняв вас за своего тогдашнего спасителя. И все же именно эта история заставила по-особому взглянуть на вас. Когда-то благородный человек вступился за незнакомых людей, рискуя жизнью. Считая себя в неоплатном долгу перед ним и не имея возможности отблагодарить, я сочла необходимым оказать такую же бескорыстную помощь нуждающемуся в ней человеку, вам.

Должно быть, мой поступок в ваших глазах выглядит наивным и не имеет оправдания. Что ж, я никогда не рассчитывала на вашу снисходительность.

Все мы в той или иной степени больны, но, верю, не безнадежно испорчены. Знаю, что и в вас есть и честь, и преданность, и верность.

Что бы вы ни решили сделать с вашей жизнью, помните: не вы безраздельный хозяин своей жизни.

Я же за вас всегда буду молиться.

До встречи в нашем общем Отчем доме, будьте готовы к тому, чтобы предстать там в достойном виде. Если Господь захочет, мы с вами еще встретимся. Что-то мне говорит, что наша разлука не будет слишком долгой. Я за вас буду всегда молиться, в моих глазах вы мой супруг.

Итак, до встречи. Любящая и преданная вам Виолетта».

10

Никто и никогда не сумел бы убедить Эжена де Колиньи, что можно переродиться в одночасье. Однако именно так с ним и случилось. Виконт с изумлением и отвращением оглядывался на себя вчерашнего.

«Каким беззаветно храбрым казался я себе еще вчера. На какие безумства только не решался, в какие авантюры не ввязывался, и все для того, чтобы прослыть своим в среде великосветской знати.

Каким же пустяком, безделицей оказались все потуги утвердиться и прославиться в свете! Какая тщета – казаться лучшим, блистательным, остроумным среди никчемных бездушных людей. Какое убожество прячется под белилами остроумного злословия, легких побед над неопытными сердцами, за бесшабашной храбростью дуэлянтов. Сколько усилий потрачено для того, чтобы не быть, а казаться.

Моя непомерная гордость и тщеславие приговорили меня к гибели. Виолетта, пытаюсь избавить меня от этой страшной участи, приговорила себя к смерти, смерти для мира. Вот цена моего спасения!»

Утром виконт исповедовался и причастился в маленькой часовне в одном из монастырей парижского предместья. Бедный священник едва не упал в обморок, выслушивая исповедь. Здесь не было знатных прихожан, были в основном крестьяне, лавочники, из знати – только местные дворяне, главными грехами которых были чревоугодие да несоблюдение постов. А уж обилие грехов, названных таким бесстрастным голосом, будто считывал с листа, наводило на мысли: может ли в одном человеке ужиться столько грехов, и почему он говорит так спокойно. Но взглядевшись через густую сетку перегородки в незнакомое лицо, священник увидел решимость кающегося избавиться от своих грехов. Это придавало силу его духу и крепость голосу.

Перечисляя грехи, виконт сокрушался, что не смог убедить своих товарищей оставить свои привычки и повернуться лицом к Богу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.